

НАМ ПЛОХО ДРУГ БЕЗ ДРУГА

Получил я вчера открытку с новогодним поздравлением от Василия Ивановича Куркова, знакомого моего, и развспоминался. Как мы с ним около года назад познакомились, какие вели беседы, какими откровенностями делились. На улице сегодня холодина, в кабинете тоже не климат, но вспоминаю Василия Алексеевича, и становится тепло.

Вот и около года назад, точнее — в ноябре, в день знакомства с Василием Алексеевичем, примерно такая же погода стояла. Впрочем, нет, помнится, шел снежок. Да верно, шел, потому что Василий Алексеевич появился в кабинете весь заснеженный, осторожно обмахнул шапку и попросил разрешения посидеть на свободном стуле до прихода нашего общего начальства. Работал Василий Алексеевич у нас кочегаром.

Я молча кивнул головой и продолжил чтение книги. Времени был обед, и в этот день я пробавлялся захваченными из дома бутербродами и чаем из термоса — по причине разлада между мной и драгоценной половиной моей, Тоней.

— Встанет зима, а? — проговорил неожиданно в тишине кочегар. — Как полагаете? Заколodило грязь, вроде...

Я нехотя оторвался от чтения, оставив героя романа спускающимся на парашюте в тыл врага, глянул в окно и пожал плечами.

— Вообще-то, нет, пожалуй, не станет, — явно был предрасположен к беседе Василий Алексеевич. — Примета есть такая: тот снег удержится, что на мокрую землю ляжет, а с сухой сойдет...

Я дочитал, когда герой романа опустится на землю, и заметил собеседнику:

— Парадоксальная примета, а потому едва ли верная.

— Может, и неверная, — согласился Василий Алексеевич, — но вот другая примета есть, что прочный снег ложится ночью...

Роман мой был скучноватый, и я решил отдать остаток обеденного перерыва разговору. Признаться, меня всегда привлекают необязательные разговоры с новыми людьми (Василий Алексеевич работал у нас кочегаром первый сезон). На этой почве я быстро с такими схожусь и порой выслушиваю такие откровения!..

С Василием Алексеевичем у нас разговор получился. Видимо, тот изрядно наскучался по общению в своей кочегарке. И то сказать, кого он там видит? Единственно — сменщика, когда тот на смену приходит. А забредающих в кочегарку алкашей Василий Алексеевич гнал. Имел он,

правда, транзисторный приемничек, и, проходя мимо кофегарки, я часто слышал его звуки. Да разве транзистору изольешь живую душу?

Так что в тот ноябрьский день и завязалось наше особенное знакомство с Василием Алексеевичем. Никакого внешнего единства интересов у нас, как будто, не было: я — инструктор районного спортобщества, он — кочегар; я — перед тридцатью, он — после пятидесяти. Однако общее между людьми всегда найдется, хотя бы в том, что все мы — люди. Василий Алексеевич увидел во мне, как я разумею, человека, способного понять его и не осудить. Мне несомненно польстило это, и я со вниманием выслушивал историю жизни Василия Алексеевича, который излагал ее мне в несколько приемов.

Как сейчас вижу его сутуловатую фигуру, про какие говорят: неладно скроен, да крепко сшит. Глядя на Василия Алексеевича, трудно было определить его года: то ли он хорошо сохранился, то ли прежде времени состарился; в походке его чувствовалась молодцеватость, в отдельных же движениях — солидность. Со спины Василия Алексеевича, носившего молодежную прическу, можно было принять за молодого человека. Не то спереди: румянец во все щеки и в то же время — глубокие морщины у глаз и у губ; крепкий, крупный нос, неусохшие еще губы и — суровый лоб. Глаза — то ли наивного старика, то ли мудрого ребенка. В общем, в определении его возраста можно было ошибиться лет на десять в ту и другую сторону.

— Родился я в первый год войны, — с этих слов начал свой рассказ Василий Алексеевич. — А через два года похоронка на отца пришла. Матери в ту пору сорок лет было. Можно ли в ее года даже от такого известия в постель слечь и больше уже не встать?.. Здоровая ведь, если братьям верить, была. И остались мы, таким образом, враз без отца, без матери. Я и два моих брата семнадцати и пятнадцати лет...

Василий Алексеевич предупредительно заметил:

— Трудно поверить в такие страсти, но ни единым словом не лгу. Иной раз лежишь на кровати и думаешь: хорошая бы книга из моей жизни получилась. Другие на слезных фильмах от смеха прыскают, а я натурально реву. А фильмы про военный детдом просто кожу дерут. Пятнадцать лет все-таки по детдомам скитался...

Братцев я сразу посеял, да они меня, признаться, особо и не разыскивали. Сдали и сдали. А, с другой стороны, попробуй найди, если адрес мой пять раз менялся. Послевоенный детдом — вроде цыганского табора: на одном месте кони траву поедят — на другое перебирается. Ну, да чего рассказывать, ты и сам все такое в кино видел.

Короче, после детдома выучился я на электрика, завербовался на электрификацию железной дороги через Сибирь. Причалил к городку под названием Зима. Устроился на квартиру к семидесятилетнему папаше, дяде Саше. И до того мы с ним сошлись, что он меня за родного сына принимал и из двух других квартирантов сразу выделил. Ты, говорит, на сына моего покойного сильно похож. Крепкий был старик. До девяноста-то он наверняка дожил.

Через некоторое время братья мои объявляются... Теперь уж я на них в розыск подавал. Быстро отыскались. Обрадовались, давай меня к себе вызывать. Я не меньше их обрадовался — родная кровь как-никак. И тут гляжу — старик мой сник, затосковал, по собачьи жалостно меня обсматривает. «Не спеши, — все уговаривал, — Вася, обдумай хорошенько. Ты ведь и не знаешь их вовсе, братьев своих. А здесь у тебя все будет. Дом свой под тебя подпишу, профессия у тебя хорошая, в институт поступишь, а?» Не послушался я его тогда... И зря.

— Зря? — не сдержал удивленного возгласа я, представив на месте Василия Алексеевича себя самого, а на месте его братьев — своих.

— Зря, — раздумчиво подтвердил Василий Алексеевич, — плохого про братьев ничего говорить не буду, потому что не положено это, они старше меня. Но — зря...

Тут Василий Алексеевич надолго замолчал. В этот промежуток в кабинет несклади вошел мой сослуживец Костя. Василий Алексеевич сразу смутился. Видно было, что он своим сокровенным очень дорожил. И тотчас ушел. А я с интересом стал дожидаться завтрашнего дня, завтрашнего обеда.

А почему я на обед не ходил — особый рассказ. Не в ладах я в ту пору пребывал со своей женой Тоней. Разлад начался с того вечера, когда я на дне рождения у Кости с его приятельницей три раза подряд потанцевал. Это мне так думается. Ведь отношения у меня с той приятельницей некоторое развитие поимели... Работает она в районном Доме культуры методистом, а Дом культуры вот он, рядом, через дорогу. Ходил я к ней два раза затем на званый чай. Она Костю приглашала, ну и меня заодно...

Пребывал я с Тоней не в ладах, впервые так серьезно за годы нашей супружеской жизни. И обед по утрам демонстративно собирал себе сам. И, назло Тоне, совсем скудный — термос чаю, два бутерброда и полпачки печенья. Так что с работы домой я приходил голодный и злой. И не день-два эта голодовка продолжалась, а целых три недели.

«Уйду, — рассерженно иной раз думал я, — брошу все и уйду». Только вот с Юркой как, с отпрыском моим? Это сильнее всего удерживало. В данный, переломный, так сказать, период и появился в моей жизни Василий Алексеевич. И ой как вовремя! На каждого бы непутевого мужика, вроде меня, тогдашнего, да по Василию Алексеевичу».

Ну и вот. Жду я следующего дня, жду Василия Алексеевича. Чую, придет. Не может не придти.

Точно. На следующий день явился, как по расписанию. Я сижу, вчерашний роман читаю: парашютист мой стропы парашюта с земли подбирает. Сидит Василий Алексеевич, молчит. И мне неудобно подтолкнуть его к рассказу. Но все-таки я решился и напрямую сказал:

— Ну, и чем ваша история с братьями окончилась?

— А-а, деланно спохватился Василий Алексеевич, — я и позабыл совсем. История-то больше не с братьями получилась, а с дочкой старшего из них...

«Ого», — подумал я и посмотрел на рассказчика более внимательно, отыскивая в Василии Алексеевиче черты искусителя женских сердец.

— Братья приняли меня, как подобает, — с желанием продолжил рассказ Василий Алексеевич. — У обоих, конечно, давно свои семьи, квартиры. Хваткие они до, как говорится, жизненных благ. И друг с другом вроде как соревновались: чья дом-чаша полней. Жили они в одном поселочке, на одной улице. Но в гости друг к другу, как я скоро понял, ходить не любили. Чувства зависти, по всему, растить не хотели. На какое-то время породнил я их. Вася, скушай это; Вася, не обижай, выпей это; Вася, живи у меня. Нет, Вася, у меня. Я почему-то выбрал старшего брата...

Ну и вот. Живу, работаю. Тут армия подросла. Собрали, отправили. Идет жизнь. Не знаю, куда, а идет. Да... И тут, понимаешь... — Василий Алексеевич неловко ерзнул на стуле. — Получаю, понимаешь, письмо. От кого, ты бы думал? Ага, от дочки старшего брата, Насти. От племянницы, то есть. И с чем, ты бы думал? С признанием в любви! Племянница пишет, что жить без меня не может! Каково? Полтора года в одной квартире с ней жил и ни малейшего намека на любовь не видел. Вот до чего тайлась!

Василий Алексеевич сделал мертвую паузу. Какие, мол, тут слова, когда как поленом по лбу!

— И начал я припоминать все подробности ее поведения. Интересное это занятие — вытаскивать из памяти картинки, которые не собирался запоминать. А может, то воображение мое Настю сочиняло. Получилась, понимаешь ли, неплохая деваха. Я даже сомневаться стал: уж не любил ли ненароком и я ее? Да старался не думать об этом. И надо же было через некоторое время моему отпуску на родину случиться! В душе еще

буря не улеглась, а я к ней, то есть к старшему брату в дом еду. И страшно, и манко...

Тут Василий Алексеевич взглянул на часы и замолк: время обеда истекло. Но я успокоил его:

— Костя задерживается сегодня, в администрацию заходит.

— Ага, — спокойно продолжил тогда Василий Алексеевич. — Еду. Как себя вести с ней — не знаю. Да, чуть не пропустил. Ответил ведь я сразу на ее письмо. Что, дескать, она все-таки племянница мне. Не положено, и все такое... Так что представляешь, да, с каким настроением я к брату в дом шел? Захожу. Вечером дело было. Сидят за столом, ровно меня дожидались. Ужинали, в общем. И сразу — она. Ее взгляд. Такой взгляд!.. Ну, прямо всю душу вывернуло. Не передать мне. На всю жизнь в памяти остался. Ну, не опишешь...

Стерпел я взгляд. С трудом, но стерпел. Ну, затем, как водится, встречи, расспросы. Уж и забыл почти про Настю. Однако, чувствую холодок в речах жены брата... Или догадывалась она о чем-то, или пронюхала. А виду не подаю: нет и нет у меня ничего с Настей. И прошел так целый день. И половина второго. Настя как воды в рот набрала. Одни глазенки работают. Да, я не сказал: ей семнадцать лет было, на четыре года меня помладше. Чувствую, что не может так дальше дело идти. И точно. В обед сует мне Настя записку: «Жду в восемь часов в парке».

Приехали... Как в «Гамлете»: или — или. Еще раз сердце девчонке ранить или объяснить сходить? Выбрал последнее. По дороге еще в магазин заскочил, купил коробку конфет шоколадных. День был седьмое марта, то есть накануне женского праздника. Конфеты рассчитывал подарить завтра Насте. Зашел в парк. Темновато, лампочка где-то в глубине телепаёт. Пошел туда. Стою, оглядываюсь. Ну, думаю, дурачит меня девка. Наказать вздумала. Легко на сердце сделалось — вон все как просто разрешается. Только, было, с места тронулся, как вдруг из кустов налетает на меня... Она! И ну меня тормозить, словно не в мозгах я, словно пьяный!

— Чего ты какой, а? Чего ты какой!

— А какой, Настенька?

— Сердце-то у тебя есть?

Ну и решил я все к шутке свести. Возьми и ляпни:

— Сейчас проверю.

Взялся за верхний крючок шинели... А она руки мои отбросила, да как вцепится мне в грудь. Шинелку в момент распахнула, уже и пуговицы на мундире трещат.

«Да что это она делает-то со мной!» — испугался я.

Чувствую, как коробка с конфетами выезжает-выезжает и на землю падает. А Настя ногами ее топчет и знай мне пуговицы обрывает. Стою, как разрезанный кочан капусты, и что поделать, не знаю. А она как обхватит меня, да вожметса мне в грудь, будто слиться со мной хочет, и, уже ничего не стесняясь, зарыдала:

— Делай со мной, что хочешь! Не могу я без тебя!

Василий Алексеевич смущенно замолчал, решив, видимо, что переступает порог дозволенной откровенности. И далее заговорил спокойнее:

— А я что? Истукан. Туман в голове... Да... не принял я на этот раз ее признаний. Очередная моя ошибка. На этот раз роковая.

Я, очевидно, выразил мимикой лица порядочное удивление, потому Василий Алексеевич поспешил расшифровать последние слова:

— В том смысле роковая, что все бывшее в моей жизни до того, мне сейчас кажется счастливым, а все бывшее после... Дрянную, одним словом, я жизнь прожил.

И тут Василий Алексеевич засобирался, заинтриговав меня до невозможности. Он ушел, а мне вдруг далась в голову его племянница, отвергнутая в чувствах, и до того живо я ее представил, будто на стене нарисованную. А лицо у нее, что самое странное, моей собственной жены!

Василий Алексеевич рассказом напомнил мне мою собственную историю. Правда, у меня все без всяких таких надрывов обошлось. Встретились мы с моей Тоней и сразу полюбили друг друга. Никто нам не мешал любить, никто на нашу любовь не покушался. Простая, вроде бы, любовная история... Однако Василий Алексеевич вызвал из моей памяти не такие вот формулы и общие слова, а вполне конкретные видения. Вспомнил я нас — себя и Тоню тогдашних, и такой волной умиления окатило, что со стороны, наверное, я и дурачку придурком бы показался.

Первое прикосновение вспомнил. Идем мы с Тоней в кино, летом, теплым вечером. Расстояние друг от друга — пионерское. И тут Тоня женщине с коляской дорогу уступила, ко мне приблизилась и голым локотком моей руки коснулась. Она-то ничего, голова у нее вежливостью перед женщиной была занята, а меня словно каленым железом обожгло. Тепло ее локотка на всю жизнь запомнил, из тысячи других температур эту сразу выделю.

И как первый раз обнял Тоню, тоже помню. Прохладный вечер был, продрогла моя Тоня. Я удерживался, удерживался, да жалко ее сделалось. Обхватил за плечики... И трепетное ее тело под тонюсеньким платьицем мне неземным показалось. И дешевенький запах ее духов запахом Галактики показался. Под нос, правда, неожиданное буркнул:

— Ночи холодными становятся.

Ну и вернулся я в этот день воспоминаний домой, к своей Тоне немного другим. Или, вернее, прежним. Весь вечер на нее украдкой поглядывал, все изучал — лучше с того времени стала моя Тоня или хуже? А еще сравнивал с приятельницей из Дома культуры. И сравнения в общем не в пользу приятельницы оказывались. То есть, по части красоты Тоня ей все-таки уступала, но Тоню-то я еще вон какой — в тонюсеньком платьице — помню...

Короче говоря, забыл я про свой роман с парашютистом, и теперь каждый обед глядел на входную дверь в ожидании: вот войдет Василий Алексеевич и за десять-пятнадцать минут выдаст мне кусок истории своей жизни, нисколько, как будто, не похожей на мою, и в то же время до странного знакомой.

На следующий день Василий Алексеевич начал рассказывать о несчастливом периоде своей жизни. И получалось, что счастливый период продолжался год полтора-два, а несчастливый — все остальное время. Оттого, заключил я, у рассказчика моего такие глаза невеселые.

— Ну, а после армии зацепился я в городе Ленинграде, работал на радиозаводе сборщиком. Вот работа! Всю жизнь с тоской вспоминаю. Дисциплина исключительная, да и какой ей быть, если для работы все условия созданы: тепло, светло, тихонько радио играет. Ни громких разговоров, ни, тем более, ругани. Красота!

В этом-то раю и явилась мне Голуба. Женщина, я скажу, м-м, во сне такую не всегда увидишь. Идеал! Мне и не мечталось, чтоб она вдруг залюбезничала со мной. Сдурел я, понятное дело, за ее ласковый взгляд готов был в огонь... А ведь не любила она меня ни чуточки. И об этом мне сразу сказала. Но силу-то свою надо мной чувствовала.

— Знаешь что, Вася, — говорит однажды, — вижу, несладко тебе без городской прописки, а получить ее, знаешь, дело нешуточное. А хочешь, я помогу тебе? Не за так, разумеется... И ты мне pomoжешь квартиру получить.

Я рот раскрыл, глазами хлоп-хлоп, а она спокойненько так фантастику мне выкладывает:

— Поженимся давай, говорит, Вася. Не по-настоящему, разумеется, а так, говорит, понарошку. Ну, то есть, фиктивным браком.

— Поженимся?! — обалдел я. Очень уж невероятно все.

— Ну, будто бы. Распишемся. Только, Вася, до меня пальцем — ни-ни. У меня мужчина есть.

В ту пору она уже в годах была, двадцать восемь лет. А мне — двадцать четыре. Разница невелика, а однако я перед ней мальчиком себя чувствовал, потому что божественной она мне казалась. Ну как я мог на ее предложение отказ дать! Быть с ней в одной комнате — и то для меня великое счастье.

И начался спектакль... Свадьбу решили сыграть все-таки взаправдашнюю, хотя и нешумную. Она своих близких родственников пригласила. Я — своих. Друзья мои меня поздравляют, по плечам хлопают, Голубой восхищаются, я уж и позабывать начал, что жених-то липовый.

А матушка ее и вовсе фортель выкинула. Как узнала, что дочка замуж выходит, домишко свой в деревне, не моргнув глазом, продает и к нам — в Ленинград. «Нате, сладкие мои, денюжки на свадьбу и на обустройство семейной жизни, а я возле вас в прихожей на сундучишке притулюсь. А внуки пойдут, няньку искать не надо». Мамаша ее, я скажу, душевная женщина. Меня сразу, как сына родного, приняла. Не хвалясь скажу, отчего-то люди пожилые всегда ко мне ласковы. Наверное, оттого, что я сам по уму старик, а по чувствам ребенок.

Тут Василий Алексеевич позволил себе небольшое отступление:

— Но ребенок во мне чаще побеждает. Влюбчивый я очень, привязчивый. И то, и се меня манит. А ведь беда это: в любом коллективе одна женщина, да начинает мне нравиться...

«Ага, так вот где собака зарыта, — 4 подумал я, глядя на моего рассказчика. — Вот отчего трудно определить возраст Василия Алексеевича. С одной стороны, наивный старик он, а с другой — мудрый ребенок».

— Сыграли свадьбу, — задумчиво продолжал Василий Алексеевич, вспоминая давнее, — далее все, как по уговору. Она — на кровати. Я — на кушетке. Можешь представить, какой тут сон. Она не спит, и я ворочаюсь. Оба люди молодые, здоровые, только руку протяни... И продолжалось такое целую неделю. Оба ходим злые, невыспавшиеся. Теща на нас не надивится, но помалкивает. А я себе определил — пусть исчахну на кушетке, а притязать на нее не буду. Она так пожелала, пусть и мучается.

В общем, на неделю только ее терпения хватило. Часа в два ночи шепчет:

— Вася, ты спишь?

Я, понятное дело, как пружина из кушетки выскочил. Так мы и сделали мужем и женой. Уже не липовыми. И ведь полюбила она меня, полюбила! А уж как я старался для этого. Шагу лишнего не делал, слова лишнего не говорил, всю полочку из кармана вместе с мусором выгребал. Какой женщине это не понравится? Но только не мог я долго в себе мужика подавлять. Я ведь еще и рыбалкой увлекался, и на футбол любил сходить, с мужиками про политику поговорить. Иной раз с работы и задержишься, зайдешь с дружками по кружке пива выпить... А она насчет спиртного человек категоричный. Чуть запах учует — на порог квартиры не пустит. Это я не в переносном смысле говорю. В прямом.

Через год, она уже в положении была, пришел я однажды домой под шафе — через дверной глазок невооруженным глазом видно. Тук-тук. Не пускают. Постоял-постоял под дверью, да и подался к другу ночевать. Ну и пошло. Я уж и не иду домой, как в таком положении оказываюсь. А она ведь и понимать не хочет, что у людей дни рождения бывают, другие события в жизни... Со временем и постоянное спальное место нашло. Любовницу, то есть. Она меня всякого пускала. И пошла моя жизнь с Голубой под откос... Ну, об этом после расскажу. Пойду. Сменщик мой, наверное, уже пришел.

Ушел Василий Алексеевич, а я по обыкновению свою жизнь с Тоней на аналогичном этапе начал вспоминать. То есть, на этапе первого поцелуя и всего прочего. О, а ведь я не забыл торжественность и волнительность первого поцелуя! Правда, то, как Тоня со мной впервые поцеловалась, меня слегка испугало. Уж больно профессионально запрокинула она при

этом голову, ослабнув всем телом. Но, впрочем, что взять с девчонки в пятнадцать лет, поднабравшейся «опыта» во взрослых кинофильмах? Я Тоне профессионализм скоро простил. А как болели у меня и у Тони после первых поцелуев губы! Верила ли мама мне, что их надуло ветром, оттого они так набухли и покраснели?

С Тоней мы целовались четыре года. А потом поженились.

И объятия наши — хоть срастись — черт возьми, как вчерашние помню! А как я Тоню в первые месяцы лелея! Сажу на работе и вдруг представляю, как Тоня несет из сарая твердые дрова, тесно и больно прижав их к сокрытым под фуфайкой грудкам с розовыми сосками! Грудки ведь такие нежные и маленькие, как две горстки соли на столе одна подле другой.

А потом я представляю, как Тоня едет на сессию в пединститут и кладет на вагонную полку тяжелый чемодан, перегнувшись тоненькой талией. А если талия треснет пополам!

Тут я улыбнулся сентиментальным своим воспоминаниям, но и подивился себе, прошлому. Ужели я был когда-то им? Ужели я зачерствел и обнищал памятью? Тоня, а ты ни разу не заметила мне об этом.

Продолжение рассказа Василия Алексеевича я приготовился ждать на следующий день. Но надо же было такому случиться — именно в этот день мне позвонила приятельница из Дома культуры и пригласила меня одного, без Кости, на чай! Причем пригласила каким-то особенным голосом, а, может, мне это только примерещилось. Само собой, ничего необычного в данном приглашении не было, коль уж начало им было положено, но оно мне показалось несвоевременным в силу моих мучений относительно воспоминаний о нашей с Тоней любви.

Я долго молчал в трубку, не зная, что ответить приятельнице, но, видимо, в тот момент я находился как раз на середине пути от Тони к приятельнице, звали которую, надо, наконец, сказать, Ириной. И вот в данном состоянии, окрещенном в механике «мертвой точкой», я чуть качнулся в сторону Ирины, ведь она меня звала, приглашала, а Тоня по вечерам продолжала упорно молчать.

И пошел я к Ирине. Знаю ведь, что Василий Алексеевич должен в обед ко мне зайти, но пошел. Мнилась мне в Ирином приглашении какая-то тайна, могущая как-то повлиять на мою дальнейшую жизнь.

Пришел я. В кабинете методистов — привычный чайный антураж: Иринины сослуживцы, большой подпаленный чайник, крепкий запах хорошей заварки, легкие бутербродики и дешевые конфеты. Все, как обычно. И чего это ятвинственность-то вдруг возмнил?

— Так всухомятку и питаетесь? — встречает меня улыбкой Ирина.

Это намек на мои «холостяцкие» обеды.

— Угу, как йог, — не очень удачно отшучиваюсь я.

— Бедненький, — сочувственный вздох от сослуживиц. Незамужних, кстати, как и Ирина. Впрочем, одна из них, Аня, уже была замужем, и с иронией любит повторять, что разошлась с благоверным единственно из-за того, чтоб не вносить диссонанс в девичий штат РДК. На этот раз иронические стрелы ее направляются на нас с Ириной:

— Хоть бы ты, Удалова, и взяла над российским йогом шефство!

Обычные слова, в другой раз и я бы им посмеялся вместе со всеми, но сегодня не смеялось.

— Девочки, а у него, кажется, кризисный день в биоритмах, — стреляет далее Аня.

— Жажду, жажду, — деланно оживляюсь я, — о налейте же мне скорее чаю!

В три руки мне наливают самую большую чашку. Пьем, хрупаем конфетами. Я несмело поглядываю на Ирину и делаю стыдливые выводы: она сегодня обворожительна. Но зачем, зачем в такой день, когда Василий Алексеевич заставляет меня все острее и острее вспоминать мою Тоню с тонюсенькой талией, с грудками — двумя горстками соли?

— Ну, спасибо за компанию, девочки и мальчики, — вдруг объявляет Аня, встает и уходит. Почти сразу за ней уходит и другая Иринана со-служивица. Мы остаемся с Ириной вдвоем. И это — как в обычные дни?

— У вас что-то случилось? — нежным голосом интересуется Ирина.

— Нет, — мямлю я, — ох уж, эти биоритмы...

— А что же все-таки у вас произошло с женой?

— Ничего, ничего, — торопливо отвечаю я, и понимаю, как это звучит неубедительно. Тем более, для такой умной женщины, как Ирина. Мне вдруг становится невыносимо жалко ее сейчас. Меня смущают ее печальные, глубоко-темные глаза, но я не знаю, что мне говорить в данный момент. Хорошо, что говорит она:

— А вы знаете, ведь до Дома культуры я работала на почте телеграфисткой... Целых пять лет.

Я не вижу повода эмоционально реагировать на эту информацию. Все до того, как где-то работать, где-то работают.

— А вы знаете, что значит работать на почте, когда тебе двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь лет?..

Я пожимаю плечами.

— Вы представить себе не можете, сколько проходило за день через мои руки телеграмм... с чужим счастьем.

Я вдруг ощущаю, что в Ирином кабинете сегодня прохладно.

— Телеграммы. Телеграммы. Телеграммы... — меланхолично продолжает Ирина. — Поздравляю с днем рождения... Примите наши сердечные поздравления по случаю вашего бракосочетания... Поздравляем с рождением ребенка... С успешным производством вас в бабушки...

— Ирина, — само собой произносится у меня, — не надо так вспоминать. Не надо таким тоном.

«О, боже, а имею ли я право обрывать ее?!»

— Разумеется, не надо, — с непонятной покорностью соглашается она. — Просто это я к тому, что через неделю у меня намечается праздник, и, может быть, в эту минуту другая телеграфистка принимает поздравительную телеграмму для меня.

— Какой праздник? — робеющим голосом выдавливаю я.

— День рождения, мой милый йог, день рождения! — уж слишком весело хохочет Ирина. — Всего лишь день рождения.

— Всего лишь... — с наверняка дурацким выражением лица повторяю я.

— С им, — опять разом сменив настроение, жестко говорит Ирина и начинает убирать посуду со стола.

— Ну, поздравляю, вот уж поздравляю! — совсем не к месту воплю я и бросаюсь к Ирине. Боже мой, да не поцеловать ли я ее собираюсь! Нет, нет, всего лишь помочь ей убрать посуду.

Конфуз, полнейший конфуз! Бегу из Дома культуры форменнейшим образом, сломя голову.

«Ира, Иринка, и что ты находишь в таком дурне, как я! И доверяешь ему то, что не доверяешь, я знаю, никому!»

Вторую половину дня меня мучает стыд. Рука тянется к телефону, но трубку взять не может. Что ей, Иринке, сказать? Спросить, какой она цвет или запах предпочитает? А где мне взять деньги, чтобы купить ей ко дню рождения подарок? Страдания молодого Вертера... Нет, сегодня я непременно пойду к Василию Алексеевичу, благо он живет тут же, в комнатухе при кочегарке. Пусть он расскажет мне про остаток своей жизни, насыщенной разными любовями. Может, я найду по ним, как по звездам, выход из моих страданий.

Страданий? Но не выдумал ли я их? В конце концов, Ирине я ничем не обязан. Ни-чем. А зачем на чай хожу? Ах, петушиное твое сердце!

Извините, про петушиное сердце — теория моя. «Что есть сердце для человека, и что есть голова? То же, что и для петуха. Отруби петуху голову, он и без нее еще долго жить будет. Даже более того, даст, обезглав-

ленный, несколько кругов по двору. Но оставь петуху голову, но порази в сердце, он мигом навек успокоится. Значит, что? Значит, существами живыми правит не голова, а сердце».

А где мое, частное сердце? У кого в руках, спрашивается?

Василий Алексеевич своей радости и удивления по поводу моего визита не скрывал. Он с поспешностью предоставил мне единственное в каморке место для сидения. Сам же уселся на по-солдатски заправленную койку. Сначала я, конечно, как следует огляделся. Это заняло немного времени: кроме койки и стула в жаркой, от соседства с котельной, каморке находился шифоньер, громкоговоритель, да электроплитка, стоящая на подоконнике. Словом, чисто аскетическая обстановка. Впрочем, не совсем. Чрезвычайно оживляла келейный вид жилища Василия Алексеевича картина в старомодной раме, изображающая розовощеких китайчат, играющих в песке под наблюдением симпатичной няни. Голые попки, виднеющиеся в традиционных прорезях на штанишках карапузов, вызвали у меня улыбку. Василий Алексеевич, заметив это, пояснил:

— Забавная картинка. А? Тридцать лет с собой вожу, куда бы не переезжал. Есть в ней что-то домашнее-предомашнее. Повесь в рабочей бытовке, и то семьей, уютom будет пахнуть.

— Да, конечно, — согласился я, — китайцы мастера обставяять быт милыми безделушками.

И-да, что-то неудачно у меня с юмором сегодня. Вот и Василий Алексеевич вроде как обиделся. Китайчата-то, похоже, не безделушка для него, а очень одинокому его сердцу дороги.

— А вообще-то хорошо у вас тут, Василий Алексеевич, — принялся исправлять я, — главное, тепло. Я бы на вашем месте тоже так просто жил. Имел бы лишь самое необходимое, а его человеку не так уж много и надо...

— Не много, нет, — ответил Василий Алексеевич. — По мне, так человеку единственно чего в избытке иметь не помешает — это близких людей. Хороших людей, друзей, братьев по духу. Я так рассуждаю: дай человеку все блага, какие он пожелает, но посели его с ними на необитаемом острове, и он не назовет себя счастливым.

— Да, конечно, — согласился я услужливо. — Вы, наверное, много на свете людей повидали, коль география местожительства, как вы сами говорили, у вас ого-го?

— Повидал, — улыбнулся Василий Алексеевич вроде хитровато, а вроде грустно, догадавшись о цели моего визита. — Ну, так чего, досказывать, что ли, историю-то свою?

Я лишь кивнул головой, не пряча удовольствия от пронизательности моего собеседника.

— Людей я повидал, — раздумчиво-солидно проговорил Василий Алексеевич, придавая продолжению рассказа эпически-ностальгическую окраску. — С Голубой мы промучились целых три года. От такой, как она, не скроешь, что у тебя кто-то там еще заимелся. От такой-то гордой да красивой. Добродетельной быть, то есть, простить мне все, она не умела. Добродетель и красота в одной женщине — редкость редкая... Да и зачем, если разобраться, красавице добродетель, коли она любого мужика красотой возьмет? Безобразной без добродетели — другое дело, быть никак нельзя. Это ведь ее главное оружие в борьбе за нужного мужика.

В общем красавица, Голуба моя, скоро и за мужа меня перестала держать. Так — за квартиранта. Чихнуть при ней, когда она, к примеру, телевизор смотрит, упаси бог! Однако я мужик терпеливый, не чихаю. Все жду, когда она мне слово человеческое скажет. Покупку ей любую, от виноватости своей, разрешаю. И все такое прочее. Даже мечтал, чтоб и она любовника завела... Я бы слова упрека ей не сказал.

Василий Алексеевич сейчас резко замолчал, раздумывая, видно, не слишком ли откровенные мысли незнакомому человеку выдает. По

правде говоря, и мне от его откровений сделалось в некоторой степени нелепо. Но, в некоторой же степени, и приятно. Интересно же узнавать один из возможных вариантов своей дальнейшей судьбы.

— В конце концов, сам понимаешь, расстались мы с Голубой, — приказал себе быть пожестче Василий Алексеевич. — И с той, койкоместом, тоже почти сразу расстались. Противной она мне сделалась, когда я в семейной жизни с носом остался... И из-за нее тоже. Ну, и уехал я из Ленинграда, и оказался в Кызыле, есть в Сибири такой город, устроился на хлебозаводе, и также получил клетушку вроде этой. И что-то похожее на монашеский обет принял: чтоб никаких женщин, коль у меня такой характер дурной. Да только где там! Любовь, что алкоголь: раз пристрастишься, еще и еще тянет...

С одной в электричке познакомился... Слово за слово, взял да свою остановку и проехал. А она взяла, да и привела меня к себе домой. Бесстрашие ее объяснялось просто. Ребенка она хотела, а жила без мужика, знакомца же нанимать на роль отца у себя в поселке не желала. А я для этого вполне годился, и ничего зазорного в ее поступке не находил. Зазорно было бы отказать ей в такой пустяковой милости.

Ну, повстречались мы с ней, сколь для дела надо было. Да она мне почти с первого разу наскучила. Я, понимаешь, являюсь к ночи нетерпеливый, молодой еще, а она полчаса перед зеркалом раздевается, расплетается, кремами мажется. Да еще методично так, по-идиотски долго, драгоценности свои с себя начинает снимать. Я, конечно, понимаю, что это чтоб меня ненароком не поцарапать. Но — ску-учно...Сбежал. Да ей того и надо было. Животик-то у нее уже округлился. Опять я в монашество вдарился. Суп из пакета варить для меня тогда — высшее из наслаждений. На варку его и целого вечера не жалко. Да обидно — суп варится быстро.

Василий Алексеевич улыбнулся, поднялся, открыл форточку.

— Тебе трудно понять, что значит для холостяка — варить суп из пакета. Это ж поэма! Сначала ты его согласно инструкции тщательно и по пунктам варишь, затем наливаешь его, совсем по-особенному пахнущий, в чашку, потом ешь, изучая состав супа по той же инструкции... Э-э, да где тут слов найдешь!

Я не без самодовольства подумал, что вечером, когда вернусь домой, в каких бы я отношениях с Тоней не находился, меня непременно будет ждать ароматный, с душой сваренный суп. Да-с.

— Знаете что, Василий Алексеевич, — вдруг осенило меня, — пойдемте-ка сейчас ко мне в гости, я накормлю вас супом, который варит моя жена.

Василий Алексеевич развеселился от моего наивного предложения и, не раздумывая, выразил согласие. Видимо, он целиком записал меня в свои доверенные лица и почти в друзья.

По дороге домой я сделал для себя открытие, что постоянно сравниваю мою Тоню с женщинами Василия Алексеевича, и пока супруга моя им не проигрывает. Никаких-таких фиглей-миглей за ней не водится. Черт возьми, так неужели это я вызываю ее на провокацию? Нет, Антонина, надо нам с тобой тут еще, как следует, разобраться. Во-первых, особого повода тебе ревноватьменя, я еще не давал. И твои заявления, вроде: «Разлюбил кошку, значит, разлюбил и ее хозяйку», лишены всяческих оснований. А, во-вторых...

Но вот и мой дом. Тоня, конечно, дома. Конечно, поужинала уже с Юркой. С тех пор, как у нас начался разлад, Тоня не медлит с ужином, если я задерживаюсь с работы. Сегодня я задержался дольше обычного, и не на мало. Какова будет реакция?

Никакой. Уф! Тоня лишь взглянула пустым взглядом на меня и холодно поздоровалась с гостем. Кивнула на дверь кухни: ужин, мол, там. Прощли с Василием Алексеевичем на кухню. Мы можем посидеть, разумеется, и здесь, тем более, что пришли как раз есть суп, сваренный

Тоней, но порядочней было бы, если б она разлила его по чашкам сама. Направился к ней в залу.

Ба, моя Тоня плачет!

— Тонь, что с тобой? Ну, То-онь...

Плачет, не понимает. Даже, вон, в голос.

— Не трожь меня! Уйди! Уйди! Или я от тебя уйду.

— Ты что, Тонь? Куда я от тебя уйду?

— Куда хочешь! Если не знаешь, то уйду я.

— Даже так? — взъярился я. — Имею я, в конце концов, право получить отчет о действиях жены?!

— Не желаю! Не желаю с тобой разговаривать! — прорывается сквозь всхлипывания. — Пусть ТА с тобой разговаривает.

— Ну, как знаешь! — в гневе шиплю я и скрываюсь в ванной, будто бы помыть руки, а на самом деле восстанавливаю мимику лица, чтоб не смутить гостя.

— Хорошо как здесь у вас, — встречает меня словами похвалы Василий Алексеевич. — Чистота, как в хирургии.

Я молчу, внутри у меня все кипит. «Уйду! Возьму и уйду! Оставляю Тоньке все, возьму только кое-что из своей одежды и уйду. Пусть как знает. Так жить тоже невозможно. Если мания мнительности на почве ревности, то надо лечиться, уважаемая Антонина!»

Остро вспомнилось сегодняшнее Иренино лицо, печальное, даже скорбное. Уж она-то сумеет понять меня!

Между тем достаю самые вместительные чашки, разливаю по ним весь ароматный суп без остатка. Пусть весь. Обойдусь завтра без завтрака, без обеда — само собой, и без ужина тоже... Голодная забастовка. Если решусь уйти. Возьму и решусь! И пусть кусает локти. Хоть вот у Василия Алексеевича первое время поживу. А там определится.

— Ну, а четыре года назад оказался я в славном городе Владивостоке, — без обиняков приступил к продолжению рассказа Василий Алексеевич, словно бы вовсе и не прерывался. — С квартирами там гиблое дело, торчал в общежитии. Но не зря Владивосток — город приморский: жен, проводивших морских мужей в долгое плавание — океан. Тут, надо сказать, поразвратился я. Но как раз тогда и начал изучать себя. Раскладывать, как говорится, по титлам жизнь свою. Занимался этим я, конечно, и раньше, но все больше как-то в шутку. А тут — с дикой тоской.

Настю, племянницу свою, постоянно вспоминал. И со стыдом. Неправильно я с ней поступил. Обидел на всю жизнь... И себе, выходит, жизнь не по тому руслу пустил. Постеснялся, видишь, родственных уз. Вскоре угораздило меня в больницу попасть — ногу сломал на стройке. Времени терзать себя навалом появилось. И вдобавок еще видок в окошко из палаты — дворик ракового корпуса, и по нему обреченные люди разгуливают... Ну, сам понимаешь, какие мысли от такого видка проявляются, какая бахвальская тяга к жизни...

Слушая неторопливый рассказ Василия Алексеевича, которому явно нравилось рассказывать, я понемногу остывал от стычки с Тоней и старался думать о ней, как о пустом месте.

— Ты пока еще не дожил до таких мыслей, — с уверенностью заявил сейчас Василий Алексеевич. — А меня мучил один и тот же вопрос: кто я — вампир, высасывающий кровь одной своей жертвы за другой? — покорил одну и бросил, покорил и бросил. Кто я: сладострастник, не находящий своей похоти удовлетворения? Путаник, не понимающий дел своих? Или... Только ты не смейся над тем, что сейчас скажу. Или путаюсь я потому, что не могу найти никого, чтоб была похожа на НЕЕ? То есть на Настю... Я ведь за годы в идеал ее возвел. Недостижимый идеал. Вот.

И тут Василий Алексеевич надолго-надолго замолчал. Я уж подумал, было, что на этом кончается его история. Но нет, Василий Алексеевич заговорил снова, задумчиво:

— И поставил я перед собой цель: хоть человек я еще не старый, и о

смерти думать мне еще рано, но рассчитываю кончить свою жизнь... рядом с ней. Но я чуть забегал. Знал ведь я о Насте, что вышла она замуж, и дети у нее. И квартира хорошая, и муж не пьяница. А любви нет... Вот в чем вопрос. И всю вину родители ее, то есть брат с невесткой, возлагают на меня. Я в их глазах — разрушитель Настиного счастья. А чего — я, если разобраться? Ответ на Настиное чувство — нехорош, исчез из ее жизни — тоже нехорош. А где середина?

Вот я и решил отыскивать середину сам. Три года назад вернулся в город, где проживает мой брат, то есть Настин родитель. По первости они меня и в дом впустить не хотели. Вот тебе и брат родной! Но впустили-таки, но все, что о сегодняшней Настинной жизни хотя бы напоминало, попрытали. А мне ведь единственно, что в их квартире надо было — это Настин адрес узнать. Нет, понял, так просто не подловишь их. Тогда мне ничего не оставалось, как вором заделаться. Залез в их почтовый ящик. Раз, два... На третий повезло. Вытащил поздравительную открытку от Насти! Повезло, да не совсем. Почерк-то — Настин, и слова Настины, но ни фамилии, ни обратного адреса на открытке нету. Даже индекса, а то бы мне и адреса не надо. И вдобавок почтовый штемпель поставлен так неразборчиво, что только четыре буквы и разобрал: «...евск».

При этих словах Василия Алексеевича меня мигом пронзила потрясающая мысль: ведь он ищет Настю в нашем городе! Наш город называется Марьевск!

— Василий Алексеевич! — изумленно воскликнул я. — Так ведь городов, оканчивающихся на «евск», у нас в России наверняка не один десяток.

— В том-то и вопрос, — невозмутимо продолжал Василий Алексеевич, — городов много, а нужных — раз-два и обчелся. Дело в том, что проживает она всего лишь в сутках езды от города, где раньше проживала. Это я по штемпельным числам доподлинно вычислил.

— Ну, вы вообще! — только и сумел высказать я.

— Вот так вот, — не без молодечества ответил Василий Алексеевич. — А что делать, а? Что делать? Жизнь уходит, а прожили мы ее с Настей неправильно, то есть врозь. Но время-то еще есть ошибку исправить!

Я молчал. У меня ничего не соображалось.

— Не можем мы друг без друга счастливыми быть, не можем! — в сердцах, не стесняясь уже сентиментальности, воскликнул Василий Алексеевич.

— погодите, — пришла мне в голову своевременная мысль. — Сейчас я вам письмо найду с местным штемпелем. Вы сравните его со своим, на открытке...

Почему-то у меня была уверенность, что Василий Алексеевич бережет открытку до сих пор. Но оказалось, он ее даже носит с собой постоянно, и с радостью согласился произвести опознание.

Я пошел в залу. Тоня была уже в спальне, и, наверное, уже легла с Юркой спать. В серванте лежали ее письма ко мне в армию. Тоня писала, как мне помнится, с завидной периодичностью: два письма в неделю. Правда, и я отвечал ей тем же.

Ого, какая солидная, увесистая пачка! Ба, да тут и мои письма к ней. Писем не менее двух сотен. Взял верхнее, свое. Последнее, надо полагать, по написанию. И такое вдруг желание появилось заглянуть в него: что хоть я писал тогда?

Достал двойной листочек, исписанный до самого конца.

Так... «Здравствуй, милая Тоня! Здравствуй, драгоценная моя!» Н-да-а... Неужели я так писал? «Уже несколько часов (часов!) остается до встречи с тобой!!! Наконец-то мы увидимся с тобой навсегда, чтобы никогда больше не расставаться!»

Я неловко присел на диван подле серванта, так же неловко продолжил чтение: «Не правда ли, мое солнышко? Мы не будем с тобой расставаться ни на один день!»

Кровь прилила к моим ушам и щекам.

«Я чувствую себя самым счастливым из солдат российской армии, ведь я еду к тебе!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

Но зачем так много восклицательных знаков? Нет, черт возьми, читать такое письмо сейчас невозможно. Вот провожу Василия Алексеевича... Но что хоть я там в конце-то понаписал?

Так: «Мы ведь не можем друг без друга? Ведь правда?»

Бегу. Бегу к Василию Алексеевичу.

— Заждались, наверное, Василий Алексеевич?

— Ничего, ничего, ночь моя. Домой пустят.

Положил конверт перед гостем. Тот рядом — приготовленную открытку. Склонили головы над столом.

— Похоже... — еле слышно, то ли с восторгом, то ли с неуверенностью вымолвил гость.

— Кажется, — сказал я.

Штемпели и впрямь были похожи, а в детали я решил не вдаваться, чтобы ненароком не разочаровать гостя.. Пусть это сделает сам Василий Алексеевич. Если вдруг найдет несоответствие штемпелей. Но как мне не хочется, чтобы Василий Алексеевич, нужный мне человек, уходил сегодня от меня. Как мне хочется, чтобы он побыстрее ушел!

— Ну и вот, найдете вы свою Настю... решил я на главный вопрос.

— Про комара байку знаешь? — Жестко ответил вопросом на вопрос Василий Алексеевич. — Живет-живет, крылышками машет, а потом бац — человек перед ним. Комарик человеческой крови нахлещется и — шабаш ему! Вот и я...

— Ну, да, ну, да, — бестолково киваю головой я. — Это конечно.

— Вот и все, Анатолий Николаевич, — поднялся Василий Алексеевич, — такая вот моя история. Спасибо за вкусный, неслыханно вкусный суп! Это жене своей передай. Хорошая она у тебя.

Я округлил глаза.

— Да, да! — рассмеялся Василий Алексеевич. — Я еще и цыган, гадать умею. Плохие, злые жены вкусных супов варить не умеют! Точно, уж поверь мне. Ну, до завтра?

— До свидания, Василий Алексеевич!

Дверь за драгоценным моим гостем закрылась. Я остался один. Один! Я и сто моих писем к моей Тоне.

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ

Саша Ершов числил себя неудачником целых тридцать два года. Были для того все основания. Кличка «Рыжик» в целом классе принадлежала только ему. Школу с медалью удалось закончить не ему, поступить в институт с первого захода — тоже. Устроиться на работу по специальности посчастливилось лишь через три с лишним года после окончания института. Квартиру-однокомнатку получить — всего год назад...

Зато брюшко Саша заимел уже к двадцати пяти годам, зальсины — к двадцати восьми, ноющие боли в левом боку после приема острой пищи — к тридцати, шрам над правой бровью от столкновения в темноте с углом дома — в те же тридцать. И так далее, и тому подобное.

Отдельные достижения на этом тридцатидвухлетнем отрезке жизни не сильно скрашивали грустные мысли Саши о себе, как о неудачнике. Ну, что с того, что ростом он вышел за сто восемьдесят. Что с того, что курносый нос приобрел весьма мягкие, приятные отчего-то для женщин очертания, а рыжие вихры превратились в огненно-красную шевелюру, по поводу которой иные любопытствовали, каким номером красящего шампуня Саша пользуется. Эти атрибуты внешности, считал Саша, — приложение к образу, а не сам образ. Что с того...

Крупной, значительной удачи в жизни Сашиной не хватало! Но и, надо отдать Саше должное, удачи он, расталкивая локтями других, не искал, а терпеливо дожидался. Терпеливость была его гордостью, его скромностью, даже в некоторой степени превосходством над остальными людьми, чем он, разумеется, никогда не бравировал, а лишь изредка утешался в минуты самого тяжкого ненастроения.

Но на тридцать третьем году жизни Саша встретил Люсю.

— Извините, — спросила Люся у обгонявшего ее по тротуару Саши, — вы не подскажете, как мне пройти на улицу Гороховую?

— Подскажу, — с привычной несмелостью ответил Саша и попутно поразился прекрасным лицом незнакомки. — Это недалеко. И нам по пути.

— Ой, как замечательно! Тогда, может, вы мне и поможете? — кивнула незнакомка ресницами своих крупных глаз на объемистый чемодан, оттягивающий ее смуглые, крепкие руки.

Саша без слов подхватил чемодан.

— Вы уж извините за мою наглость, — проговорила незнакомка. — Я такая более не от природы, а от профессии — массовик-затейник дома отдыха.

— Тогда понятно, — стеснительно улыбнулся Саша.

Дошли до улицы Гороховой, и Саша спросил:

— Вам который дом нужен?

— Скорее не который, а чей. Дом фабрики фарфора.

— Тогда нам и далее по пути.

Пришли к дому.

— Куда дальше? — поинтересовался Саша.

— Пятый подъезд.

— Надо же! И мне туда.

Зашли в пятый подъезд.

— В какую же квартиру вы идете?

— В сто восемнадцатую.

— Вот так раз! А мне в сто двадцатую. Это на одной площадке! Значит, вы к тете Наде?

— А вы, значит, Саша Ершов?

— Но откуда вы меня знаете?

— От двугорбого. Тетя Надя — моя корреспондентка. О вашей площадке я все из ее писем знаю. Видите, как все просто получилось. И не надо неловко прощаться навсегда. До завтра. Саша?

Саша кивнул в ответ.

В квартиру он вошел в смешанных чувствах. Во всяком случае, в таких, в каких ему давно, а, может, никогда еще не доводилось пребывать. Люся, так звали девушку, его заинтересовала. И долго не давала заснуть. Короче говоря, Саша влюбился. С первого взгляда. В тридцать два года с тяжелым хвостиком.

Утром Саша проснулся от стука в дверь. Для Саши это был не просто стук в дверь, а в самое что ни на есть сердце. Он, по-солдатски быстро одевшись, не забыв застегнуть верхнюю пуговку рубашки, подскочил к двери, распахнул ее и увидел на пороге... тетю Надю.

— Спишь еще, Сашуля? А Людка у меня уже давно встала. Идем к нам чай пить!

— Сейчас, тетя Надя, сейчас, — засуетился Саша, собираясь уже выскочить за соседкой в коридор. Но вовремя вспомнил, что еще не умылся, не побрился, не надушился, не причесался, и вообще на щеке не расправились еще морщины ото сна. Однако утренний туалет он проделал столь же по-солдатски стремительно. Единственное, что не успел — покрутить гантели. В исполнении утренних упражнений он был пунктуален.

— День добрый, мой шерп, — приветствовала его Люся, выглядевшая сегодня краше прежнего.

— Здравствуйте, Люся.

— Чего уж, давай на ты. Месяц нам общаться придется.

— Попробуем. А зачем вы, то есть, ты, надумала нарушить наш с тетей Надей покой?

Саша вознамерился сегодня быть смелым и немного развязным, как принято это у нынешней молодежи.

— Решила скрасить своим присутствием тетушкино одиночество.

— Ты Людмилку всерьез не принимай, — заметила тетя Надя. — Она у нас с детства смешливая. И не поймешь, когда к чему клонит. В отпуск она приехала, это верно. Сочиняет что-то там, а в общезжитии какое сочинение. А у меня — рай.

— Диссертацию, Саша, сочиняю, диссертацию, не подумай чего криминального, — внесла ясность Люся.

— И по какой теме диссертация, если не секрет? — был страшно удивлен Саша.

— Не засекречено. Организация воспитательно-развлекательной работы по месту жительства. А чем занимаешься ты?

— Заместительствую в формовочном цехе фарфорового завода.

— Недурно. Есть куда расти. Начальником скучно.

Саша смотрел на Люсю все более восхищенно и, не задумываясь, прощал ей существенные для иной женщины недостатки — и что по возрасту она уже не девочка, и что лак на ногтях порядочно облупился, и на левом чулке повыше колена белеет хорошенькая затяжка. Вот ведь видел все это, отмечал и считал, что не замечает. И, не будучи любителем чая, выпил одну за другой четыре чашки. А потом Люся предложила:

— А не искупаться ли сегодня нам? Пляж у вас поблизости есть?

— Есть, — с готовностью отозвался Саша. Но и опасливо глянул в окно — погода заметно портилась и к купанию не располагала.

— Тогда айда! — воскликнула Люся, по-мальчишески вскочила со стула и ушла облачаться в купальник.

Пляж на пруду у фарфорового завода был пустынным. И час был ранним, и дождик накрапывал. Но Люсю неудержимо влекло к воде, словно в знойный день. На бегу она скинула халатик, сандалии и, не раздумывая, плюхнулась в воду.

— Осторожно! — крикнул Саша, вспомнив, что дно в этом месте усеяно бутылочными осколками, выброшенными на днях местными ублюдками. Но Люся уже скрылась в каскаде брызг. Саша разделся, сложил одежду на берегу и вошел в воду.

— Догоняй! — закричала Люся и устремилась в глубь пруда.

— Осторожно! — вновь крикнул Саша. — Там водозаборник.

А Люся уже стояла на нем и колотила по воде ладонями. Саша подплыл и забалансировал на плаву около Люси.

— Становись рядом, — сказала та и уступила место на решетке водозаборной трубы.

Они оказались совсем вплотную друг к другу. Колени их касались, и груди тоже. И Саша, вспомнив, что настраивался быть сегодня смелым и решительным, неожиданно обнял Люсю и поцеловал в мокрое ухо.

— Ой, щекотно, — засмеялась Люся и тесно прижалась к Саше. И Саша был счастлив, и холодной воды уже не ощущал, а ощущал лишь тепло полуобнаженного Люсиного тела...

С пляжа они возвращались, будто бы и не было никаких поцелуев. Сашу это сбивало с толку. Но нет, Люся и не думала кокетничать, она сказала:

— Скучный у вас пляж, и простреливается насквозь. А давай забьемся в глушь-глушь. Поставим палатку и покормим комаров. А?

Сашу идея захватила, и он с ходу принялся продумывать ее материальное обеспечение. Палатку он возьмет в прокате, котелок у тети Нади,

удочки у Вадки со второго этажа. Удастся ли наловить рыбы? Саша класса со второго не держал в руках удочки. А как собирается Люся идти: с ночевкой или без? Если с ночевкой, то придется взять два одеяла. Или одно? Нет, скорее всего, два...

— Предпочтительнее ехать на Баландино озеро, — предложил он.

— Мне не из чего выбирать. Вези, куда знаешь.

Путешествие запланировали на субботу. Лишь бы погода не подвела. Всю неделю Саша жил в предвкушении субботы. А Люся всю неделю самозабвенно торчала над своей диссертацией. Сашу это, с одной стороны, восхищало, а с другой, как мужика, задевало. Во вторник и четверг он пытался завлечь Люсю к себе в гости. Но та была непреклонна. С красными от недосыпания глазами отрицательно мотала головой и свежо улыбалась. А вечером в пятницу вдруг предложила сама:

— Ну-с, Саша разлюбезный, пойдем теперь к вам. Теть Надь, если я задержусь, ничего, а?

У Саши екнуло сердце. Однако непредсказуемое Люсино поведение не позволяло на что-то надеяться всерьез.

— Ого, ты недурно устроился, — похвалила Люся скромный уют Сашиной квартиры, — и обладаешь вкусом. Ничего лишнего, зато все самое современное.

С Люсей они начали пить кофе. Саша предложил немного выпить, но Люся отказалась, предложив сделать это завтра на природе. После кофе Саша включил торшер, и они стали медленно танцевать под магнитофон. Но тут по телевизору началась передача «Проблемы и решения» о воспитании детей в семье, и Люся, позабыв обо всем, подседа к креслом к экрану. Саша за время передачи успел перемыть всю посуду, поскучать на кухне, перечитать свежую газету и едва не заснуть. А Люся смотрела передачу молча, избегая комментариев и даже взглядов в Сашину сторону.

— А вообще-то, Саша, давай выпьем, — опять неожиданно, оторвавшись от телевизора, предложила Люся.

Саша со всех ног кинулся на кухню, выхватил из холодильника заветные, давно хранимые армянские «пять звездочек»...

После второй рюмки Люся раскраснелась, принялась посвящать Сашу в подробности своей диссертации, просила еще и еще прокрутить понравившуюся песню на магнитофоне. Саша вновь был счастлив. И когда они вновь начали танцевать, и Люся почти прижалась к нему, в сердце его проснулись прежние надежды. Дело в том, что Саша в свои тридцать два еще не знал женщины. Из принципа, из уважения к женщине. И вот в жизни его появляется ЕГО ЖЕНЩИНА. Саша теперь уже не сомневался в этом. И отважился повторить приемчик, произведенный в воде пруда на заборной трубе.

— Ой, щекотно! — как и тогда рассмеялась Люся. И... подставила губы.

Саша был на верху, нет, не блаженства. Беспамятства. А еще Люся провела язычком по его пересохшим губам...

— Люся, — прошептал он, — Люсечка, кажется, я люблю тебя.

— Кажется! — расхохоталась Люся. — А мне не кажется.

— Люблю, люблю, люблю, — сбивчиво зашептал Саша, втискиваясь подбородком в Люсину грудь, упоительно пахнущую духами.

Он был неловок: задел, увлекая Люсечку на тахту, столик, с которого упала и разлилась початая бутылка коньяку.

— Ой, какой ты решительный, — не переставала смеяться Люся, — мне такие нравятся.

— Я тебе нравлюсь, да? Нравлюсь? — серьезно спросил Саша, ослабив объятия.

— Кажется, да, ха-ха-ха.

Саша усилил объятия и лихорадочно размышлял, как расстегивается воротник Люсиного платя. Через голову платье, не расстегнув, не ста-

щишь, а здесь такая мудреная застужка...

— Я сама, — разом прекратив смех, строго объявила Люся, угадав Сашино намерение. Саша, смущенно моргнув, отпрянул от Люси, готовый сей же миг умереть от счастья.

— Только не сейчас, не сегодня... — опрокинула Люся на Сашу ушат холодной воды. — Пойду я, Саша, не обижайся.

— Тогда завтра? — умоляюще спросил Саша.

— Да, да. Все будет завтра, — обнадежила Люся и бесшумно исчезла, оставив в комнате след восхитительных духов.

Ночь Саша спал старательно, чтобы завтра быть в форме. Завтра случилось...

Утро он встретил с восторгом: солнце ослепительно сияло, облака благородно жаллись к горизонту, ветер взял выходной.

Люся пребывала в превосходном настроении, укрепляя Сашино желание превзойти сегодня самого себя. Правда, вначале, поутру, он чувствовал себя несколько скованно, помня неуспех вчерашних объятий, но Люсина беззаботность передалась-таки и ему.

Уже через час, прокатившись в автобусе, они были на берегу Баландина озера.

— Шикарная местность! — выразила свой восторг Люся.

— Здесь будет город заложен! — сказал Саша, сбрасывая с плеч папку и прочий груз. Люсе он не доверил нести ни единой вещи, даже котелка. Пусть видит, какой он мужчина.

— Купаться? — спросила Люся и сама же ответила: — Купаться!

И опять Саша увидел Люсино тело, и опять на него нахлынула волна хорошего предчувствия. Люся плавала недолго, изъявила желание позагорать.

— Расстегни мне, пожалуйста, лифчик.

Саша слегка опешил, но просьбу дрожащими руками выполнил. Люся опустила на песок, придерживая чашечки купальника на грудках, и поведала:

— Белые следы от бретелек вовсе не украшают спину. Здесь меня, по крайней мере, не видит ни один глаз.

У Саши от такого сообщения возникли два вопроса: во-первых, кому это стесняется Люся показывать свою ровно загорелую спину; и во-вторых, разве Сашины глаза уже не глаза?

— Ну, Саша, — нарушила строй его мыслей Люся, — наверное, думаешь про меня: ох и бесстыжая!

— Нет, вовсе нет! — поспешно возразил Саша.

— Думаешь, думаешь, не скрывай. Но ты прощаешь мне это, потому что я тебе нравлюсь, да?

Саша нашел умным промолчать сейчас.

— Ну, а чего в этом особенного, если девушка загорает с открытой спиной? Вы же, мужчины, загораете. А взять нудистов... Те вообще, в чем мама родила... И ничего. Хотя подставлять грудь солнцу для женщин вредно. Рак молочной железы и все такое...

«Да что она меня, за мальчика принимает, что ли! — решил-таки возмутиться про себя Саша. — Сейчас возьму и сдерну с нее эти самые...»

— Ах, Саша, Саша, — вдруг грустно проговорила Люся. — Отчего, по твоему мнению, я не выхожу замуж? Мне все-таки двадцать восемь.

Саша промолчал, не зная, что сказать.

— Из-за характера. Взбалмошный он у меня, правда? Ну, ответь, чего ж ты молчишь?

И Саша не удержался. Он дернулся к Люсе, схватил ее за плечи, перевернул на спину и впился губами в горячую от пляжного песка грудь.

— Ой, щекотно! — расхохоталась Люся. — Ой, щекотки боюсь. Да отпусти же! Серьезно.

Саша отпустил. Он обиделся. Отвернулся, положил голову на руки.

Будто ничего не произошло.

— Да не обижайся ты, — погладила его по спине Люся. — Ну, хочешь, я совсем разденусь? И мы будем с тобой как эти, нудисты?

Саша молчал.

— Обиделся, — проговорила Люся, — тогда я тоже сейчас обижусь. Тогда давай сооружать город. То есть ставить палатку, — предложила Люся и рассмеялась: — Ой, чего я вспомнила! Ухохочесси. Мы, совсем еще маленькие девчонки, распевали частушки: «Приходи ко мне на пляж и со мною рядом ляжь, мы с тобою дом построим, будешь ты второй этаж». Прямо как у нас, да?

Саша вскочил и пошел к сброшенной ноше. Что он, рыжий? Тоже будет непредсказуемым.

— Саша, а Саша, — крикнула ему вслед Люся. — А хочешь, давай поженимся. Ты ведь мне тоже нравишься. И с тетей Надей дополнительное удобство. Будет кому детей нянчить.

Саша мигом развернулся и в два прыжка был возле Люси. Он отбросил ее лифчик далеко в сторону и, не обращая внимания на Люсин смех, принялся месить ее горячие груди.

— Ой, — сдавленно простонала Люся, — ой.

И обмякла под Сашей. И закрыла глаза.

Саша испуганно-недоумевающе смотрел на нее и нехотя сползал с обмякшего тела.

— Что с тобой, Люсечка, что?

— Вот тут, — простонала Люся, — вот тут больно.

И показала на левый сосок груди.

— Что же ты так... — растерялся Саша.

— Что, что, — обиженно сказала Люся. — Низкий болевой порог у меня. Давай суп варить.

— А с чем суп?

— Давай с пивками, а?

И Люся громко расхохоталась.

— Можно попробовать наловить рыбы.

— Я не умею ее чистить.

— Тогда будем собирать грибы. Мухоморы, — вспомнил о своем намерении быть непредсказуемым Саша.

— Нет, Саша, лучше — бледные поганки.

— Чем лучше-то?

— Саша, а ты взял с собой транзистор? — вновь свернула в сторону Люся.

— Да, Люся, с тобой не соскучишься.

— Ты уже передумал брать меня в жены? А вдруг я кокетничаю с тобой, желая растравить тебя?

— Надень лифчик, — посоветовал Саша.

— Пожалуйста, — согласилась Люся.

Саша зажмурил глаза от неожиданности. Люсины трусики полетели в сторону!

Люди же увидят! — воскликнул Саша, обхватывая Люсю руками, словно желая загородить ее от всех людских глаз. — Ты же моя, моя, моя! И больше ничья.

— Ой, ну и медведь! — опять пискнула Люся. — Подурили и хватит. Ты убедился, что я неплохой массовик-затейник?

— Замечательный... — опустошенно проговорил Саша.

И они принялись устанавливать палатку. Люся, разумеется, предварительно оделась.

— Всегда мечтала о таком уик-энде, — поделилась она, — вода, двое на берегу и никого больше. Делай, что хочю.

— Правда? — приблизился к ней Саша.

— В палатке нам не будет мешать никто. Даже медведь. Здесь водятся медведи?

— Единственного ты видишь перед собой.

— Боже, как интересно! — пропичала Люся. — Вода, палатка и двое на берегу. Медведь и беззащитная девушка.

«Нет. Она определенно хороша в своей непредсказуемости, — похвалил Саша Люсю. — С такой интересней. Она не спланирована на послезавтра и на неделю вперед. Со спланированной была бы скука. Смертная. Непременно надо жениться на Люсе».

— Чем займемся дальше? — спросил Саша, установив палатку.

— И это слова мужчины? — рассмеялась Люся.

— Ах, так! — шутливо рассердился Саша и, обхватив Люсю за плечи, поцеловал в ухо. — Только попробуй вякнуть, что тебе щекотно.

— О-о! — еще громче рассмеялась Люся. — Молодчина.

Но сопротивляясь Люся всерьез. Впрочем, Саше недосуг было недоумевать. Он видел перед собой единственную цель, полагая, что это или его последний решительный штурм, или...

— Молодые люди, что там у вас происходит? — донесся в палатку с улицы женский голос.

Саша отпрянул от Люси.

— Это кто, комендант озера? — не растерялась, строго спросила на улицу Люся.

— Тогда извините, если шутите. Я-то подумала, не случилось ли у вас что... Много нынче хулиганья развелось.

— Ничего не случилось, просто в палатку ко мне залез медведь.

— Ну, шутите, шутите, — сказал удаляющийся от палатки голос.

Саша высунул голову из палатки.

Дородная тетя в халате и панаме удалялась в сторону легковой машины, остановившейся на берегу озера.

— Приплыли, — раздосадовано проговорил Саша. — Нас уже не двое.

— Я испортила твой день? — приникла к нему Люся. — Я тебе разонравливаюсь такая, да? Извини, Сашуля. Просто мне всегда казалось, что с не очень знакомыми мужчинами девушка должна быть именно такой.

— И часто тебе так кажется?

— Перестань, Сашуля. Я лучше, чем ты обо мне думаешь.

— Лучше, если было бы наоборот.

— Ну, знаешь! — вспыхнула Люся, но разом и погасла. — Хочешь, я буду как мышка? Ты как котик, я — как мышка. Или нет, мы будем с тобой как две серые мышки.

— Однополые?

— Застегивай палатку! — рассердилась Люся. — И расстегивай мне лифчик.

У Саши упало сердце. Он путался в петлях ширмы, исполняя Люсин приказ, дважды перепроверяя прочность всех застежек. Потом он копался в непонятной застежке Люсиного купальника, злился, что расстегнуть его она не может сама, и опасался лишь, что Люся передумает. А потом он рухнул около нее, боясь дотронуться коленом, грудью, и запоминал, запоминал этот исторический момент на всю жизнь.

— Шеф! — раздался над головой низкий голос. Саша разжмурил глаза и увидел на крыше палатки массивную тень в широкополой шляпе.

— Слышь, шеф, я спрашиваю, закурить не найдется?

Люся, нашарив за спиной купальник, испуганно прижала его к животу.

— Нет, — сдавленным голосом проговорил Саша, моля бога, чтобы тень благополучно убралась.

— Ну, извини, шеф... А то присоединяйся к нашей компании. Мы рядом квартируем. Пять девочек и один я. Давай?

Саша сейчас готов был от ярости и бессилия грызть землю. А Люся... В Люсиных глазах копился безудержный смех. И — разом куда-то пропал, будто Люсины глаза подменили. Видимо, она разгадала Сашину ярость.

— Саша, ну что ты, в конце концов! Это же у нас не последний день. Что ты, в конце концов! Ну, всё, прям всё работает против нас.

Люся была права. Действительно, сегодня всё работало против них. Мало того, что слева от палатки, совсем близко, зазвучали девичьи голоса, но еще и с правой затарахтел мотоциклетный двигатель. Люся натягивала купальник.

— Ладно, — обреченно сказал Саша. — Все равно я тебя люблю.

— Вот это дело, — поцеловала его Люся. — Тогда пошли загорать.

За день Саша сжег всю спину. Люсиная кожа мулатки ничуть не пострадала. Остаток дня Люся была на удивление нежна и покорна и не позволяла на глазах у многочисленных отдыхающих, прибывших на озеро, ни одной непредсказуемой выходки. К вечеру Саша смотрел на Люсю теми же преданными глазами, что и утром.

Озеро они покидали одними из последних. В потемках собрали палатку, определили все по своим местам в рюкзаке. Вечерний рюкзак весил много легче утреннего: съестные припасы за день были уничтожены. И все равно казалось, что в рюкзаке недостает чего-то существенного, но влюбленный Саша, покидая берег озера, не стал этого вспоминать. До автомобильной трассы он болтал всякую чепуху. А на подходе к автобусной остановке вспомнил, чего доставало в рюкзаке. Транзисторного приемника!

— Люда, — смущенно проговорил он, — вот ведь какая штука... Транзистор я на берегу оставил.

— Вот те раз! Как же это? И дорого стоит?

— Что — деньги... Он с дарственной надписью. На тридцатилетие от коллектива цеха.

— Это, конечно, штука.

— Что делать?

— Решай.

— Ты подождешь меня здесь, на остановке?

— Хорошо, только быстро.

Саша оставил рюкзак на скамейке, чмокнул Люсю в ухо и удалился вглубь темного леса.

«Надо ж, — ругал себя Саша на бегу, — и фонарика не взял. Мало того, что ротозей, мало того, что Люсю одну среди незнакомых людей оставил...».

Отыскивал он дорогу на ощупь, ориентируясь лишь по светлой полоске неба над головой. Но вот полоска, как и дорога, разделилась надвое. Саша в спешке не обратил на это внимания. Шум работающего автомобиля за деревьями придавал ему бодрости. Озеро. Свет автомобильных фар прощально шаркнул по водной глади и унесся в черноту, к автомобильной трассе. Саша двинул к тому месту, которое только что покинул автомобиль. Палатка стояла, кажется, там. Под ногой чавкнуло. Саша принял влево. Ноги провалились в грязь. Принял вправо. То же самое. Подался назад. И здесь ноги увязают! Саша пошел напролом. Несколько спичек, оставшихся в коробке, берег для поиска приемника, потому то и дело натыкался не на пенек, так на дерево.

А что в это время Люся? Люся стояла на автобусной остановке, дрожала от холода и ругала Сашу. Все попутчики уехали. Постояв на пустынной дороге с полчаса, Люся подхватила рюкзак и, преодолевая страх, вступила на лесную дорогу, стремясь ускорить встречу с Сашей.

— Саша, Саша, ты где? Отзовись!

А бедный Саша, чертыхаясь и проклиная себя за неосмотрительность, продирался по колено в грязи берегом озера, уже оставив попытку отыскать транзистор. Выбраться бы на сухое место. Грязь под ногами громко чавкала, и не мудрено, что он не услышал Люсиного голоса.

А Люся кричала, звала, плакала. Но у нее хватило благоразумия, дойдя до развилки, не искушать судьбу излишней самоуверенностью. Она повернула обратно. А что, если Саша заплутал и забрал от дороги

к трассе в сторону? Левую или правую? Скорее всего, в левую. У человека левая нога короче, вот он и забирает влево. Порадовавшись своей догадливости, Люся решила пройти по трассе в левую сторону и оттуда покричать Сашу.

Саша крика не слышал, но шум автомобилей слышал. Выбравшись, наконец, на трассу, он, как ни сковывала ноги усталость, побежал. Вот она, автобусная остановка. Но где Люся? Саше ударило в голову. Ни отдыхающих с озера здесь нет, ни Люси, ни рюкзака. Саша беспомощно стоял на обочине и растерянным взглядом провожал плотным потоком снующие по дороге автомобили.

«Что же это она, Люся? Взяла и уехала? И здесь проявила непредсказуемость? Чего испугалась? А если б я заблудился или, чего доброго, утонул в озере?.. А что бы ты хотел? Стоять одной в огромном лесу и терпеливо дожидаться до утра путаника с транзистором?»

Размышлял Саша долго. Пока из-за поворота не показался автобус с ярко освещенными окнами. В автобусе к нему пришло успокоение. Сейчас он приедет домой и отругает Люсю, как следует.

Автобус добежал до города в двадцать минут. Еще пять минут заняла дорога до дома.

— Тетя Надя! Люся! — забарабанил Саша по двери, вбежав на лестничную площадку.

Вышла заспанная тетя Надя.

— Что ты, Саша? А Люси нет.

— Как нет? Что вы говорите? Куда она подевалась?

— Да не было ее, Саша. Она же с тобой уехала...

— Ну... — промямлил Саша. — Со мной. Но она должна быть дома!

— Да нет ее! — тревожно воскликнула тетя Надя и распахнула дверь в квартиру. — Нету. Зайди проверь.

— Понял, — пробормотал Саша и пулей вылетел из подъезда.

«Люся, Люська, — твердил он на бегу. — Неужели ты осталась там? Кто виноват? Если ты, я прощу тебе всё. Если я, на коленях буду просить у тебя прощения...»

С автобусом Саше вновь повезло. Единственное, о чем он пожалел, сев в него, — то, что впопыхах не додумался прихватить фонарик. Не исключено, что придется искать Люсю в лесу.

«Ис-клю-че-но! — строго выговорил себе Саша. — Исключительно исключено». Он торопил сейчас автобус. Торопил время, как никогда в жизни, готов был бежать за ним и подталкивать для ускорения сзади. И те немногие минуты, что нес автобус Сашу на лесную остановку, состоялись тягучестью с вечностью. «Пятьсот метров, четыреста, триста, — считал Саша метры, — сто метров, восемьдесят, семьдесят...»

Распахнулись створки дверей и... Саша видит Люсю. Зареванную, с рюкзаком у ног. Но целую и невредимую!

— Люсечка! — выпрыгнул Саша из автобуса.

Шофер автобуса, иронично улыбаясь, смотрел на молодых людей, и не торопился уезжать.

— Люсечка, — прошептал Саша и прикинул, как ему бухнуться перед ней на колени, чтобы не было больно.

А Люся приподняла рюкзак с земли и юркнула в распахнутую дверь автобуса.

— Люсечка... — обернувшись, вымолвил Саша.

А дверь затворилась, и автобус покати... В обратную от города сторону, увозя непредсказуемую.

— Люся! — завопил Саша и ринулся за убегающим автобусом. — Люся, но ты же обещала!..

АПЕЛЬСИНОВЫЕ БРЫЗГИ

За два дня в Москве Борис даже пообедать, как следует, не успел. Где бутерброд с чашкой кофе перехватит, где сосиску с куском черствого хлеба. Хроническая нехватка времени к вечеру загоняла его в жестокий цейтнот, а ни днем более Борис в столице задержаться не мог — проект реконструкции пятого цеха, завизированный всеми полагающимися инстанциями, должен был лежать на директорском столе не позднее одиннадцати часов завтрашнего дня. В противном случае — отбой реконструкции цеха, так сдерживающего работу всей фабрики. Генподрядчика же раздрают на части другие, более пунктуальные и сговорчивые клиенты. И потому Борис спешил, потому не исполнил ни одного из заказов жены. Единственное, что ухитрился сделать — купил сыну набор масляных красок.

До пермского, последнего в его сторону, поезда оставалось полтора часа. При виде очереди к билетной кассе Ярославского вокзала он ахнул. Сотня человек в ней стояли наверняка. Первое действие, к которому он прибегал в таких случаях, — поискать на удачу в очереди знакомых. И здесь ему невероятно повезло. Шагах в пяти от кассы он увидел Ольгу — младшего инспектора их отдела кадров! Вернее, они увидели друг друга одновременно. Их взгляды встретились. Его — обрадованно-деловой, ее — застенчиво-радостный. Он еще не успел опустить руку в карман, а она уже доставала из сумочки собственный кошелек. Он ничего не имел против — деньги за билет отдаст потом. Когда Ольга подала деньги в окошечко кассы, он приблизился к ней и поздоровался.

— Здравствуйте, — ответила она, и та же застенчиво-радостная улыбка осветила ее лицо.

— Только купейные, — послышалось из окошечка.

— Только? — растерялась Ольга.

— Да, двухместные, — нетерпеливо проговорила кассир. — Так будем брать или не будем брать?

— Конечно, будем! — вмешался Борис, взяв инициативу на себя. Выбора-то у него не было. Как, впрочем, и у нее.

Но отчего же она смутилась так?

До отправления поезда оставалось еще минут сорок, и он предложил Ольге съездить по пломбиру в кафе. Побывать в столице и не съездить московского мороженого — преступление.

— Давайте, Борис Иванович, — согласилась она.

— А давайте без Ивановичей, — предложил он.

— Нет уж, лучше давайте без «вы», — не согласилась она.

— Тогда давай, — улыбнулся он.

В кафе Ольга сняла шапочку, рассыпав темные волнистые волосы по плечам, и Борис по достоинству оценил их. Какая-либо косметика на ее лице отсутствовала. «Ба, — подивился и еще одному своему открытию Борис, — помимо природы Ольге дарована еще и порода». Чистые, крепкие зубы украшали улыбку сочных, широких губ, скуластенькие щеки придавали лицу шарм, называемый стилем «а-ля Кармен».

Ольга, чувствуя, что ее разглядывают, не подымала глаз. Голос вокзального диктора заставил их оставить очень холодное мороженое недоеденным. Начинаясь посадка на пермский поезд.

— Куда мы, однако, торопимся! — выйдя на улицу, задался вопросом Борис. — У нас же двухместное купе, никто наши места не займет.

Ольга промолчала. Но вновь смутилась.

«Успокойся, Оля, — усмехнулся себе Борис, ехать нам с тобой на соседних диванах целую ночь, но покушаться на тебя я не собираюсь. Во-первых, не имею на твою персону видов, а, во-вторых, зачем мне это всё — вторая жизнь, дополнительные терзания. Мою бедную голову и без того истерзал злополучный план реконструкции».

О ней, сердешной, и повел Борис разговор с Ольгой, едва они обосновались в купе. Слушательница держала себя скованно и лишь кивала головой. Борис своевременно понял, что нет молодой женщине никакого интереса слушать его технократический доклад.

— Ты откуда едешь, Оля, если не секрет? — перестроился он.

— Я учусь здесь, Борис Иванович, заочно, в юридическом.

— В самом деле? — удивился Борис, признавшись себе, что ничего-то не знает о сослуживице, с которой, между прочим, здоровается каждый день.

— На самом деле. На третьем курсе.

— А как на это смотрит супруг?

— У меня нет супруга. То есть, он был. Но мы расстались два года назад... — Ольга чуть помолчала. — Наверное, вам хочется спросить: почему? Я отвечу: он не хотел детей. А во всем остальном он очень хороший человек.

— Тем не менее, все остальное не перевесило одну-единственную позицию...

Ольга промолчала. Борису показалось, что вести беседу с неимей что-то мешает. То и странно: в дороге даже недруги находят тему для дружеского разговора.

— Замотался я сегодня, — тогда сказал он. — Ты не возражаешь, если я залягу спать?

— Спать? — с непонятым удивлением спросила она, хотя время укладываться было подходящим — четверть одиннадцатого.

— Я сказал что-то сверхъестественное? — пошутил он. И неудачно.

Ольга смутилась чрезвычайно, но нашла в себе силы произнести:

— Конечно, ложитесь. Не буду вам мешать.

— Мы же договорились на «ты», — попытался сгладить неловкость Борис. — А мешать ты мне в любом случае не будешь. Я сплю крепко.

— Я не в том смысле, — окончательно смутилась Ольга, порывисто поднялась и вышла из купе.

«Она же имела в виду снятие штанов! — расхохотался Борис, но тут же и осек себя. — Наверное, я предстал перед ней сейчас в глуповатом виде. Надо быть предупредительней».

С этой мыслью он быстро расправил постель, разделся и лег. Ольга не появлялась долго, так что Борис почти успел заснуть. Отвернувшись к стене, он слышал, однако, как она шелестела простынями, но не ложилась, а, по-видимому, села у окна. Борису отчего-то захотелось взглянуть на нее. Он перевернулся на спину и краешком глаза увидел, что Ольга сидит вовсе не у окна, а в противоположном углу купе, на постели, подбрав под себя ноги и обхватив руками плечи.

— Не спишь? — дежурно спросил Борис. Сам страх как не любил такие необязательные вопросы. Но сейчас его начало разбирать любопытство: может, неприятности какие случились у нее — экзамен завалила, недоброе сообщение из дома получила, нездорова, нелады на работе. Да мало ли?

— Я редко сплю в дороге, — тихо ответила Ольга.

— Ага, — успокоился Борис. — А в жизни-то все нормально?

— Лучше не бывает, — едва ли не с вызовом ответила Ольга.

— Оля, а с кем остался дома твой ребенок?

— Андрюшка у меня самостоятельный, — явно польстила Ольге участливость попутчика. — Живет у подруги, она не замужем. И Андрюшка ей нужен не меньше, чем мне.

— Сколько ему?

— Скоро пять.

— А моему — одиннадцать. В подарок что-нибудь купила?

— Обязательно. Полчемоdana — ему.

— А я своему — лишь апельсины... Не знаю, зачем. Будто дома их не продается. А давай сейчас съедем апельсин!

Экзотический запах наполнил купе. При передаче очищенного апельсина их пальцы коснулись. Ольга вскинула свои длинные ресницы и долгим взглядом заставила Бориса ступешаться.

«Да что это с ней сегодня, в самом деле, — раздраженно подумал он. — Впрочем, не все ли мне равно! Съем апельсин и буду спать».

Он взбил подушку и, закрыв глаза, положил одну дольку апельсина на язык. Голову в сторону попутчицы уже не поворачивал. А та тихо легла, отвернувшись к стенке... Борис решил, что Ольга намеревается изменить своей привычке не спать в дороге. И эта мысль, к несчастью, не дала заснуть и ему. Он перевернулся с боку на бок раз пять, но спать мешало буквально все, не говоря уж о грохоте проносящихся с гудками за окном составов. Борис слышал голоса в коридоре, голоса садящихся на очередную станцию пассажиров, слышал близкое дыхание Ольги. Сначала оно было ровным, а затем начало учащаться, и Борис подумал, что ей не хватает воздуха. Необходимо приоткрыть окно или дверь в коридор. Но не успел он определиться в своем намерении, как услышал нечто, похожее на всхлипывание.

— Что с тобой, Ольга? — приподнявшись, тревожно спросил он.

— Да отстаньте вы от меня, ради бога! — послышалось в ответ.

«Отстаньте так отстаньте», — сердито подумал Борис и во что бы то ни стало решил заснуть.

Но нет, не спалось, хотя времени было далеко за полночь. У Бориса устали глаза от тщательного их зажмуривания, и он надумал сходить в туалет умыться. Свесил ногу с постели... и залюбовался Ольгой.

Лицо, шея и свесившаяся в проходе рука ее в лунном свете казались неестественно белыми, скульптурными, и кружева черной сорочки еще более оттеняли это. Но рука, рука! Боже, как красива была ее голая рука, словно парящая в воздухе, полусогнутыми пальцами едва не касаясь края борисовой постели. Он с трудом удержался, чтоб не поцеловать это волшебство, если б не был уверен, что Ольга не спит. Нет, нет, она, конечно же, не спит! Дыхание вздымает грудь часто-часто, и тень от длинных ресниц дрожит на щеках.

Борис осторожно положил ногу обратно, прилег и почувствовал, как бешено колотится его сердце.

«Я хочу ее? — грубо удивился он себе, но и строго выговорил: — Нет уж, ни к чему мне эти дорожные приключения. Завтра на работе от стыда умрешь, увидев ее. К тому же я верен своей Нинке. Но, черт возьми, до чего же она хороша! Ну, да, ну, да, — съязвил, — все они хороши, пока спят. Но, черт возьми, она же не спит! И рука ее призывно направлена ко мне. А если нет? Если она все-таки спит, и я, как дуралей, влипну в историю? Или забыл ее ужимки некоторое время назад?»

Борис покосился на Ольгу и... остоленел. Широко раскрытые глаза ее смотрели на него!

Он в каком-то жутком ознобе схватил протянутую к нему ладонь и прижалк своим губам. Ольга закрыла глаза и резко повернула лицо к стене.

— Оля, Олечка! — торопливо прошептал он и сполз с постели на пол, ткнулся лбом в ее теплый бок. — Оля, Оля...

— Я люблю тебя, — услышал он невероятное. — Люблю давно. С первых дней, как пришла в вашу контору...

— Молчи, молчи, — срывающимся шепотом прокричал он и закрыл поцелуем ее влажные, горячие и дрожащие губы.

Ольга была горячая вся. Борис чувствовал это через тонкое одеяло, покрывавшее Ольгу до груди. Он скинул одеяло на пол. Чернота ночной сорочки ослепила его.

— Милый мой, — обхватила Ольга рукой его шею, — родной мой...

— Молчи, молчи, — вновь зашептал он и прыжком оказался у нее в ногах. Горячий мрамор ее колен и икр ожег его руки. Даже в лихорадке он успел удивиться гладкости и упругости ее кожи.

— Подожди, я сама, — так же лихорадочно прошептала Ольга, берясь за края сорочки.

Белизна ее тела осветила купе. Ольга жадно притянула Бориса к себе. — Только не сразу, — было единственное ее условие. — Я хочу много...

Поначалу он был неловок и неосторожен. Впрочем, и она тоже. Он повалил со столика апельсин и бутылку из-под лимонада. Она оборвала оконную занавеску, уцепившись за нее. Но это сейчас было безразлично им. Безразлично и то, что их выбеленные луной тела могли увидеть с улицы, и то, что их возня могла рассердить пассажиров из соседнего купе. Он ненасытно целовал ее горячее тело, до онемения языка и губ, а она, вцепившись своими тонкими, но сильными пальцами, терзала кожу его спины и повторяла неумолимо: «Еще, еще».

Она точно угадала, когда его эмоциональный порыв оказался на исходе, и перестала шептать эти сатанинские слова. Лишь однажды вскрикнула, когда он увлекся: «Мне больно!»

Обессиленные, они уснули одновременно. И перестук вагонных колес мелкой дрожью сотрясал его руку, лежащую на ее груди, и ее руку, лежащую на его плече.

Ее сон был краток. Она проснулась, так как стало тяжело дышать. Осторожно сняла с груди его тяжелую руку, села и, наконец, смогла разглядеть его не мускулистое, но плотно сбитое тело.

«И так легко он стал моим? — счастливо-испуганно подумала она. — Вот эта просторная грудь моя, и шея с крупно пульсирующей жилкой, это лицо, которое я мечтала увидеть каждый день и засыпала вечером, представляя его... Легко — это плохо? А вдруг он начнет гордиться, что с такой легкостью овладел мной? Значит, я — легкодоступная женщина?»

Ольге сделалось зябко, она потянулась к сорочке, лежащей черной змеиной шкуркой на полу.

— Оля, — остановил ее его голос, — ты не спишь?

— Мне холодно.

— Глупышка, — притянул он ее к себе. — Ну, прижмись ко мне. Плотнее, плотнее.

Ольга прижалась к Борису всем телом и тихонько всплакнула.

— Ну, что же ты? — погладил он ее по голове.

— Я от счастья.., и не определенности. Меня пугает завтрашний день.

— Но ты живи сегодняшним, Оленька, сегодняшним.

— Мне нужен и завтрашний. У тебя он есть, а у меня нет. Завтра ты вернешься домой и обнимешь другую женщину.

— Ну, что ты... — растерялся он.

— Не говори, не говори ничего, — быстро зашептала она, — это я сдуру, от зависти. Я же баба и хочу бабского счастья. Вот урвала сейчас немного и буду вспоминать об этом долго-долго.

— Ну, что ты... — вновь беспомощно повторил он.

— Ты ни в чем не виноват, Боренька. Это я захотела того, что случилось. Ты и перед женой не виноват. Это я перед ней виновата. А ты сейчас приедешь домой и подашь ей авоську с заморскими фруктами.

Ольга заплакала, уткнувшись лицом в плечо Борису. А он молчал, как она велела ему.

Светало. Луна напоминала о своем присутствии лишь ярким пятном на облачном бледнеющем небе. И ночное очарование от Ольгиного тела спало. Из боттичеллиевской красота его превращалась в гоиеевскую. Но красота остается красотой и получает особенный смысл при наполнении жизненностью. Дневное тело Ольги оживало, заиграв молочными, голубыми, розовыми тонами.

Легкий пушок на животе и ногах, строгий треугольник внизу живота добавляли к портрету оживающего тела последние краски. Борис с удивлением для себя открывал, что живущее тело женщины можно рассматривать как совершенную картину без желания им обладать. Познавая жену, он прошел все этапы любования ее телом, но любование это всегда

возбудило желание. Отчего же, глядя на Ольгу, он не испытывает его?

— Я не хочу подбирать крошки с чужого стола, — сдавленно проговорила Ольга. — Да, да, Боренька. Я хочу есть свой пирог. Но ты никогда не будешь моим, я знаю. Но сейчас, сейчас я не отдам тебя никому. Сегодня ты только мой.

Она стремительно поднялась с постели, толкнула Бориса навзничь и опустила на него.

— Вот так, я наездница, и сегодня я загоняю тебя, моя лошадка!

И вновь был бешеный порыв. Снова быстрые пальцы ее мяли и щипали его тело, и в страсти своей она, забыв о соседях за тонкой стенкой, стонала и плакала, и твердила несуразное:

— Это мое последнее. Это мое последнее...

И потом, когда они потные, бурно дышащие, откинулись по углам купе, Ольга зашлась рыдающим, почти истерическим смехом.

— Я съела тебя, мой милый. Ты теперь только мой. Стоит поманить тебя пальчиком...

Борис нежно обнял ее сзади и, целуя уши, зашептал:

— Да, да, ты моя ведьма. Ты родилась ночью. И я тебя люблю.

— Но! — Ольга вырвалась из объятий. — Но. Я никогда не поманю тебя, мой милый. Ты будешь страдать так, как страдала я. Страдала четыре года, а ты и не догадывался, драгоценный мой. Я выплакала целое ведро слез по тебе, а ты и не подозревал об этом.

— Я выпью это ведро до дна, — шептал он.

— Да, да, я так и сделаю. Это будет жестоко, но это будет справедливо, мой любимый.

Ольга подняла с пола один апельсин и стукнула им по столу со всей силой. Ядовито-желтые капли брызнули на ее и его тело. И заглянувшее в вагонное окно солнце наполнило апельсиновые брызги лучезарным светом.

— Вот тебе, Боренька, и Сальвадор Дали, — сказала Ольга, вставая, обнаженная, на пол, — собирай авоську с заморскими плодами, приближаемся к конечному пункту.

Через неделю Борис ушел от жены. Не к Ольге. В фабричную общагу. Решить проблему выбора ему было не дано. Сколько на это потребуется времени, одному богу было известно.